

Александр БРЕГА

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА

Статья посвящена проблемам восприятия и осмысления риска в политических отношениях. В ней рассматриваются различные аспекты, влияющие на осознание риска, особенно в условиях социальной напряженности.

The article is devoted to the problems of perception and conceptualization of risk in political relations. Various aspects of risk conceptualization, especially in social unrest and conflict circumstances, are considered herein.

Ключевые слова:

политический риск, восприятие риска, управление риском; *political risk, risk perception, risk management.*

Как и всякое отражение бытия в сознании субъекта, отражение политической действительности имеет противоречивый характер, который обусловлен, с одной стороны, сложностью и неоднозначностью процессов, происходящих в политических отношениях, а с другой — когнитивными способностями и эмоциональной окрашенностью осмысления этих процессов лицами, принимающими решения. Другими словами, подчеркнем известный факт: реальность и ее отражение в сознании — это не одно и то же.

В самом общем виде восприятие риска можно охарактеризовать как познавательное и эмоциональное отношение субъекта к возможности наступления ущерба. Очевидно, что в одних и тех же ситуациях люди неодинаково воспринимают и оценивают величину риска. Наличие только этого факта способствует постоянной актуализации исследования проблем, связанных с восприятием риска. Причем при их решении необходимо учитывать множество аспектов — социально-психологического, индивидуального, исторического, ситуативного и другого характера.

В целом восприятие риска зависит от внешних условий и внутреннего состояния субъекта, которые могут усиливаться или ослабляться, противоречить друг другу, а также быть весьма подвижными. Восприятие риска включает в себя два аспекта: один характеризует степень контролируемости субъектом рисков, другой — возможность определения их последствий. В негативном аспекте оно может проявляться в неадекватной и неверной оценке собственных возможностей, социально-политической ситуации, установок политических акторов, намерений противоположной стороны и недооценке их сил и возможностей.

Очевидна зависимость восприятия риска от направленности информационного потока. Увеличение данных о последствиях риска, драматизация возможных событий, как правило, ведут к тому, что люди преувеличивают его реальную степень, что часто ведет не к уточнению оценок риска, а к возрастанию тревоги и страха. Достаточно, например, вспомнить моменты массового психоза, когда потоки информации о терроризме способствуют чрезмерности восприятия его угроз, что не соответствует реальному положению дел. Например, в конце 90-х — начале нулевых годов иногда создавалось впечатление, что террористические организации активно действуют чуть ли не в каждом большом и среднем городе России. Понятно, что такая информация не способствует социально-политической стабильности, напротив, она способна вызывать либо паническое настроение у населения, либо агрессию в отношении к людям других национальностей. С другой стороны, ослабление потока и объема информации о риске может привести

БРЕГА

Александр

Васильевич —

д.полит.н., доцент,

ведущий научный

сотрудник ИС РАН

abrega@mail.ru

к снижению осознания реальности имеющихся угроз безопасному существованию, а значит необходимости поддерживать безопасность страны на должном уровне.

Восприятие риска и последующая его оценка в общественном сознании в немалой степени зависят от интенсивности и характера информационного воздействия. Замечено, что население обычно переоценивает опасность тех событий, о которых часто сообщается в средствах массовой коммуникации, — это способствует возрастанию чувства тревоги и страха (особенно если информация преподносится образным и эмоциональным языком). И наоборот, отсутствие достаточно полной информации, ее искажение и неверная интерпретация могут привести к недооценке вероятности появления отрицательных и положительных последствий рискованного политического решения. В частности, можно недооценить опасность, связанную с какими-либо политическими событиями, если информация о ней изложена с двояким смыслом, сложным и непонятым языком. Исходя из этого, думается, что для снижения негативного информационного влияния и адекватного восприятия риска необходима компетентная система фильтрации (отбора) сведений о рисках безопасности (т.е. специальная квалифицированная обработка информации), а также широкое распространение знаний о них.

Полноценный анализ риска затруднен тем, что он не «сможет начаться» до тех пор, пока не будет воспринят именно как возможность неблагоприятных последствий действий субъектов, так сказать, будет переведен из потенциального состояния в реальное. В действительности риск может долго не восприниматься, т.к. может находиться в латентном состоянии и не осознаваться не только широким кругом людей, но и специалистами. Но рано или поздно риск обнаруживается. Однако здесь возникает проблема, которую можно кратко сформулировать следующим образом: «что перед нами — действительно риск или только наше измененное рискологическое восприятие действительности?» Как пишет У. Бек, «конец фазы латентности имеет две стороны: риск и его восприятие. Невозможно понять, обострились ли риски сами по себе или обострился наш взгляд на них. Обе стороны совпадают, обуславливают друг друга, уси-

ливаются и превращаются в нечто единое, поскольку риски — это риски в знании»¹. Другими словами, обнаруживается проблема «совмещения — различения» самого риска и его восприятия. И чем адекватнее и рациональнее она будет решаться, тем объективнее и полнее будут знания о риске. Это противоречие оставляет открытым вопрос отношения научного осмысления риска и социального восприятия.

Проблема восприятия политического риска и знания о нем также находит свое отражение в неоднозначности отношения к нему со стороны экспертов и населения. Дело в том, что каждая из сторон имеет свой особый акцент в восприятии риска. Данная проблема имеет, по крайней мере, две основные стороны. С одной стороны, эксперты могут считать риск незначительным или вообще несуществующим, в то время как население, обеспокоенное негативными последствиями риска, считает его высоким. С другой стороны, наблюдается обратное: эксперты считают риск довольно высоким, в то время как население не воспринимает или отрицает риск. Этому явлению есть разные объяснения, например связанные с неверием населения в компетентность или неангажированность экспертов, а также валидность используемых ими методов составления прогноза риска.

Но есть и иной взгляд на проблему восприятия риска экспертами и населением. Как бы ни были подготовлены эксперты, их точка зрения на риск (оценка) всегда будет расходиться с точкой зрения населения. Сущность этого в различных позициях, занимаемых экспертами и населением, по отношению к политическому риску в какой бы то ни было сфере. Восприятие риска экспертами — специалистами и учеными сильно детерминировано их профессиональными интересами. Исследования показали, что отношение экспертов к риску значительно другое, чем у других людей. Было доказано, что на восприятие риска ученым влияет образование и область исследования, в которой он работает. Так, например, эксперт в области атомной энергетики будет более терпимо относиться к риску хранения ядерных отходов, чем, например, эксперт в области экологической политики.

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. — М.: Прогресс-Традиция, 2000, с. 67.

Первый, скорее всего, будет предполагать, что риск, связанный с переработкой и хранением отработанного ядерного топлива, преувеличен другими людьми и средствами массовой информации.

Проблема различий в отношении к рискам населения и экспертов представляется принципиально не разрешимой до конца. Причина этому — разные социальные позиции, т.к. каждая из сторон имеет свои интересы, свой предмет и объем контроля над рисками. Для населения предмет контроля — личностные и добровольные риски, для экспертов — риски, связанные со сферой их профессиональной деятельности и квалифицируемые как глобальные и необходимые. Так, эксперты могут оценивать политический риск, связанный с усилением авторитарных тенденций, на уровне угрозы как обществу, так и личности как очень высокий, а большинство населения воспринимает этот же риск на личностном уровне как очень низкий. При добровольном политическом риске населения мы, как правило, имеем дело преимущественно с феноменом уменьшения личного ущерба для себя, несмотря на то что эксперты считают его высоким. Таким образом, отношение экспертов к риску характеризуется неоднородностью и склонностью к его навязыванию, но в целом оно толерантнее, чем отношение населения. В основе толерантности экспертов к риску лежит уверенность в возможности контроля над ним, а также профессиональные интересы, в т.ч. причастность к разработке политики или технологий, которые делают их востребованными.

Кроме того, важно учитывать временную разнесенность восприятия риска, которая во многом обнаруживает зависимость осмысления риска от предполагаемого времени наступления возможных негативных последствий. Если опасности, которые могут наступить в процессе претворения в жизнь решения, удалены во времени, то они обычно недооцениваются и не вызывают видимых изменений в поведении людей. И наоборот, если реализация решения сразу же может повлечь за собой неблагоприятные изменения, то степень опасности, как правило, значительно переоценивается.

Рассмотрев общие особенности восприятия, обратимся к специфике восприятия риска в конфликтных политических отно-

шениях. И здесь, конечно же, наибольшее внимание должно быть обращено на обстоятельства, которые способствуют искажению объективности восприятия риска. Итак, каковы же характерные деформации восприятия риска в данных условиях?

Высокая стереотипизация. Стереотипное восприятие риска включает в себя когнитивный аспект (крайняя избирательность восприятия, т.е. воспринимается только та информация, которая согласуется с имеющимися стереотипами; стремление в силу однозначной интерпретации фактов к упрощению информации; схематизм при оценке фактов).

Ситуация риска не мыслится без опасности, представляющей собой «специфическую форму субъективного определения (восприятия) отрицания существования, ...имеющую не только оценочный, но и ценностный характер»¹. Причем эта ценность не ситуативна, а получает устойчивое клишированное закрепление в исторической памяти народа, облекается в форму социальных стереотипов, которые очень живучи. Потому даже через многие десятилетия может быть актуальным негативное восприятие бывших противников. Несомненно, такое восприятие оказывает влияние не только на настоящее, но и на будущее. К примеру, США и Россия — бывшие противники в «холодной войне», — несмотря на то что она закончилась более 20 лет назад, продолжают с частотой нескрываемым недоверием относиться к политике друг друга.

Гипертрофированность. Обычно такое восприятие риска свойственно в условиях повышенной политической напряженности. Вследствие гипертрофированного восприятия одна сторона может пойти на риск начать активные конфликтные действия на основе того, что она сочтет (воспримет), будто другая сторона представляет для него угрозу. Скорее всего, этот участник первым начнет борьбу, чтобы перехватить инициативу и тем самым получить преимущество. При этом может случиться и так, что реальный конфликт интересов будет проигнорирован, а несуществующий — воспринят как настоящий конфликт. В некоторых случаях стороны объективно могут и не иметь повода для

¹ Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности. — М., 1999, с. 136.

социально-политического конфликта, разделяющего их, но будут действовать так, будто конфликт существует. Подобным же образом участники конфликта могут быть разделены глубокими объективными различиями, но, тем не менее, будут верить, что таковых не существует, и действовать, руководствуясь своими (пусть иллюзорными) взглядами на реальность, избегая очевидной конфронтации. Такое восприятие риска способно привести к политическому аутизму, представляющему собой восприятие и основанное на нем мышление, логика которого стремится к выполнению «желаемого». В результате происходит утрата чувства реальности, другая сторона воспринимается в качестве «враждебной» или «дружественной» на чисто субъективной основе.

Реакция успокоенности — прямо противоположная гипертрофированности восприятия угрозы со стороны других политических сил. Она заключается в отказе верить в то, что противоположная сторона предпримет какие-либо серьезные действия.

«Приписывающее искажение». Оно заключается в том, что любые поступки противоположной стороны объясняются «злым умыслом». В результате даже положительные действия вероятного противника соотносятся с его стремлением достичь какой-либо цели в ущерб интересам оцениваемого субъекта. Что касается своих неблагоприятных поступков, то они просто либо не осознаются как таковые, либо объясняются обстоятельствами или вынужденными мерами в ответ на конфликтное поведение другой стороны. Находясь в состоянии конфликтных отношений, участники игнорируют тот факт, что негативные образы одной стороны влияют на образы другой, усиливая их враждебный характер. Рациональные аргументы в таких условиях действуют плохо. Так, в советско-американских отношениях периода «холодной войны» каждая сторона зеркально представляла развернутую аргументацию в поддержку своего образа противника, и это в еще большей степени усиливало ярко выраженный негативный характер уже имевшихся у нее образов противоположной стороны.

В наиболее экстремальной форме негативизм восприятия проявляется на уровне массового сознания. В значительной сте-

пени негативные образы создаются и поддерживаются средствами массовой информации, которые способны усилить его пропагандой «образа врага». Все это ведет к тому, что массы начинают активно поддерживать своих политических лидеров, тем самым поощряя риски агрессивного политического курса.

Двойственность, неоднозначность поведения противоположной стороны часто интерпретируется восприятием как угрожающий фактор. Осознание неопределенности в намерениях политического противника способствует тому, что в реальности субъекту приходится готовиться как к благоприятному, так и к неблагоприятному развитию событий. Поэтому, подавая двойственную информацию о своих намерениях, он стремится контролировать риск, рассчитывая на то, что оставляет себе определенное поле для дальнейшего маневра. Однако чем более напряженными являются отношения между сторонами, тем более вероятно, что действия противоположной стороны будут истолкованы и восприняты как угроза. В итоге двойственность поведения, а точнее, его интерпретация при напряженных отношениях может явиться спусковым механизмом развязывания политического противостояния.

Эффекты групповой динамики. Они заключаются в том, что в силу групповой самоидентификации восприятие риска становится единым, т.к. внутри группы устанавливаются тесные психологические контакты. Кроме того, в своих эмоциональных реакциях, а также устремлениях и суждениях риск воспринимается через оценки и нормы, существующие в группе. При этом желание поддерживать единство взглядов (особенно с ориентацией на взгляды лиц, занимающих высокое положение) на социально-политическую ситуацию нередко ведет к игнорированию к отрицательной (положительной) информации как о себе, так и, разумеется, о противоположной стороне. В результате субъект ведет себя более рискованно, может предпринимать шаги по дальнейшему развитию конфликтных отношений в надежде на помощь извне, а иногда — и с прямым желанием вовлечь в конфликт другие стороны.

Высокая эмоциональность. Адекватность восприятия риска осложняется значительной эмоциональной окрашен-

ностью, проявляющейся в склонности скорее к обвинению друг друга, чем к аргументированным обсуждениям. По данным исследований, проведенных американским политическим психологом Ф. Тетлоком, чем выше степень политической конфронтации, тем более простыми становятся аргументы, которые используются каждой стороной. Выяснение отношений в таких случаях напоминает своеобразный «диалог глухих», в котором каждый участник слышит только себя. Понятно, что в подобных условиях эгоцентризма найти взаимоприемлемое решение довольно трудно.

Итак, знание и понимание субъектами политики механизмов воздействия различных факторов на восприятие риска необходимо для того, чтобы адекватно оценить и спрогнозировать характер и результат восприятия принимаемых решений другими. Это предполагает, что деятельность в ситуации риска обязательно должна включать в себя такой элемент, как возможные интерпретации степени опасности людьми и их ответную реакцию. При этом целесообразно принимать в рас-

чет следующие обстоятельства: а) большинство людей не в состоянии оценить всю сложность деятельности в ситуации политического риска; б) необходимо учитывать, что восприятие риска нередко различно по оценкам населения, социальных институтов и экспертов. Их ценности и установки, транслируемые как публично, так и латентно, обязательно будут влиять на интерпретацию риска лицами, принимающими политические решения. Кроме того, также важно учитывать, что восприятие риска зависит от соотношения полученной информации со степенью осознания опасности и связанного с ней ущерба для конкретного человека, группы или общества в целом.

Таким образом, исходя из изложенного выше, можно заключить, что проблема восприятия риска достаточно сложна и неоднозначна. В ней переплетаются рациональные и ценностные, общественные и личностные аспекты, что в значительной мере затрудняет и усложняет научное осмысление риска, особенно в условиях напряженности социально-политических отношений.